

Российская академия наук
Институт славяноведения

На правах рукописи

Завьялова Мария Вячеславовна

**БАЛТО-СЛАВЯНСКИЙ ЗАГОВОРНЫЙ ТЕКСТ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КАРТИНА МИРА**

(На материале литовских и белорусских лечебных заговоров)

специальность 10.02.03 – славянские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 1999

Диссертация выполнена в Отделе типологии и сравнительного языкознания
Института славяноведения Российской академии наук

Научный руководитель
кандидат филологических наук Л.Г. Невская

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук С.М. Толстая
кандидат филологических наук Т.А. Михайлова

Ведущая организация
Институт мировой литературы Российской академии наук

Защита диссертации состоится “11” марта 1999 г. в 15.00 час.
на заседании диссертационного совета Д 002.97.01 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте
славяноведения РАН по адресу: 117334 Москва В-334, Ленинский проспект,
32-А, корпус “В”, 9-ый этаж, ауд. 901-902.

С диссертаций можно ознакомиться в Институте славяноведения РАН

Автореферат диссертации разослан “10” февраля 1999 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.И. Ермакова М.И. Ермакова

Актуальность темы

Среди фольклорных жанров заговор занимает особое место. Благодаря своей практической направленности он теснее других связан с обычаем, ритуалом, действием. Эта действенность отражается и на роли самого слова в заговорном тексте – насыщаясь побочными смыслами, оно становится максимально емким, насыщенным, увлекает множеством связей, раскрывается на разных уровнях значений. Магическое слово богато коннотациями; само являясь орудием, оно заключает в себе целый мир. Только в заговоре, наверное, слово обретает бытовую максимальную ценность, оно весомо, ярко и многогранно. Заговоры являются одним из самых архаичных фольклорных жанров. Они не только представляют собой специфическим образом организованный текст, но и содержат богатый материал для реконструкции архаической модели мира.

Настоящая работа была выполнена на материале литовских и белорусских лечебных заговоров. Такой объект исследования выбран не случайно. Особенностью литовских заговоров, как и литовского фольклора вообще, является его архаичность, избежавшая поздних наслоений структура. Литовские заговоры изучены мало, и их анализ поможет получить новые данные о мировоззрении древних балтов, а также дать представления о характере балто-славянских связей, поскольку особое распространение заговоры получили именно на территории литовско-белорусско-польского пограничья. В такой ситуации интересно сравнить аналогичные тексты в двух соседних культурах: в качестве объекта сравнения выбрана белорусская традиция, богатая и гораздо лучше исследованная, чем литовская. Сравнение этих двух корпусов текстов дает интересный материал для сопоставления славянской и балтийской фольклорной картины мира, а также для реконструкции их общей гипотетической основы – балто-славянского заговорного текста, ныне существующего в разных языковых воплощениях.

Данная тема разрабатывается в рамках общего направления исследований, проводимых Отделом структурной типологии Института славяноведения РАН, в частности, изучения балто-славянского языкового ареала.

Метод исследования

В данной работе используется метод тезаурусного словаря, разработанный научным сотрудником Института языкознания РАН С.Е. Никитиной.

Метод С.Е. Никитиной удачно совмещает два направления – поиск скрытого смысла фольклорного слова и описание текстового целого. Тезаурус понимается как “словарь с эксплицитно выраженными семантическими связями его единиц” (С.Е. Никитина. Устная народная культура и языковое сознание, Москва, 1993, с. 63). Словарная статья в таком словаре строится на основании

всех текстов данного жанра, поскольку для такого подхода характерно понимание единства всех текстов: один контекст дополняет другой, и таким способом складывается образ определенного значимого слова. Метод удобен еще и тем, что в процессе описания выясняется, какие именно слова являются значимыми для той или иной традиции.

Достоинствами этого метода являются его простота и наглядность, возможность представить на одной плоскости разные уровни восприятия текста – уровень отдельного слова-концепта, уровень парадигматической связи слов, то есть понятий, входящих в одну категорию, уровень синтагматических связей слов, то есть слово в контексте, и уровень иерархии объектов в тексте и в картине мира.

Отличительной чертой представляемого в данной работе словаря является его иерархическая организация. Концепты в нем объединяются в группы не по тематическому признаку, обусловленному общепринятой логикой, а занимают в структуре место, определяемое фольклорными текстами. Взаимозависимость объектов в выстраиваемом фольклорном мире может не соответствовать рациональным представлениям, однако наглядно показывает логику фольклорного мира.

Объект исследования

Для сравнения отобраны тексты лечебных заговоров, поскольку в литовской традиции они составляют подавляющее большинство. Всего в ходе работы было проанализировано 518 литовских и 764 белорусских текстов.

Используемые тексты литовских заговоров были взяты из архивов Института литовской литературы и фольклора и Центра литовской народной культуры, а также из опубликованных материалов. Среди самых многочисленных собраний заговоров можно отметить прежде всего сборники Й. Балиса (*Balys J. Liaudies magija ir medicina*. Bloomington, Indiana, 1951), В. Мансикки (*Mansikka V. Litauische Zaubersprüche*. Helsinki, 1929) и П. Стукенайте-Децикене (*Stukenaitė-Decikienė Pr. Užkalbėjimai Švenčionių apskrity // Gimtasai kraštas*, 1941 - VIII m. 1-2(28-29nr.)), а также составленную по этим данным подборку заговоров в пятитомном сборнике литовской мифологии (*Lietuvių tautosaka. V t.: Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai*, Vilnius, 1968). Кроме этих изданий разрозненные публикации появлялись в разных журналах в основном в 20-х, 30-х годах нашего столетия (журналы *Mūsų tautosaka* (Kaunas), *Tauta ir žodis* (Vilnius), *Tautosakos darbai* (Kaunas), *Kosmos* (Vilnius) и т.д.). Были использованы также некоторые публикации прошлого века (*Bezenberger A. Litauische Forschungen*. Göttingen, 1882; *Wolter E. Litauische Zaubersprüche und Besprechungen // Mitteilungen der Litauischen Literarischen Gesellschaft*. Heidelberg, 1886, II t.), а также нашего времени (в основном в

работах П. Дундулене (*Dundulienė Pr. Ugnis lietuvių liaudies pasaulėjautoje*. Vilnius, 1985; *ee žse*: *Akys lietuvių pasaulėjautoje*. Vilnius, 1992; *ee žse*: *Žalčiai lietuvių pasaulėjautoje ir dailėje*. Vilnius, 1996).

Всего из этих и других отрывочных публикаций было собрано 915 литовских и около 200 славянских заговорных текстов (бытующих на территории Литвы).

Белорусские заговоры взяты из одного источника: сборника Замовы (под редакцией Г.А. Барташэвіч), Минск, 1992.

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования – выявить некоторые закономерности построения заговорного текста, а также построить словарь концептов и описать вырисовывающуюся в них картину мира.

Таким образом цель исследования сводится к следующим задачам:

- оценить с лингвистической точки зрения специфические особенности построения заговорных текстов на уровне синтаксиса, семантики, морфологии, словообразования и фонетики;
- определить основные сюжетные и структурные типы заговоров и их зависимость от тематической направленности заговора;
- построить с помощью методики тезаурусного словаря заговорную картину мира;
- выделить основные концепты, на основе которых строится заговорная картина мира;
- сравнить по всем вышеописанным параметрам два корпуса текстов – белорусские и литовские заговоры.

Новизна и научная ценность работы

Научная новизна работы заключается в том, что впервые была сделана попытка представить набор концептов заговорных текстов в виде тезаурусного словаря и оценить таким образом картину мира. Особое внимание в работе уделяется анализу литовских заговоров, которые, в отличие от белорусских, практически не были исследованы. Важной представляется попытка сравнить заговорные традиции двух культур – литовской и белорусской, и на основе этого сравнения выделить базисные понятия и общую структуру балто-славянского заговорного текста, а также выявить основные особенности той и другой культурной традиции.

Теоретическая ценность работы состоит в исследовании лингвистической стороны заговорного текста, особенностей построения синтаксической и семантической структуры. Выделяются закономерности организации текста

подобного рода, открывающие законы построения фольклорного текста и фольклорной картины мира. Этот опыт может быть полезен для анализа коллективного бессознательного и механизмов воздействия языковых конструкций. Работа по выявлению основных концептов в языковой картине мира может быть использована для объяснения архетипов сознания и скрытых значений и связей слов в языке.

Практическая ценность работы заключается в доступном способе общения с фольклорным словом – форма тезаурусного словаря позволяет увидеть скрытые в тексте смысловые значения и определить место каждого концепта в общей структуре фольклорного мира, а также наглядно представить различия в концептуальных взглядах двух культур – литовской и белорусской. Значимую ценность может представить словарь заговора при сопоставлении его с аналогичными словарями других фольклорных жанров (работа над ними ведется под руководством С.Е. Никитиной), что позволит выявить особенности заговорного жанра как такового, а также аналогичных словарей заговорных текстов на других языках (например, русского и польского, что планируется автором), что расширит представления о концептуальном мире заговорного текста и славянской традиции в частности.

Апробация работы

Диссертация обсуждалась на заседании Отдела структурной типологии Института Славяноведения РАН. По теме диссертации делались доклады на конференциях “Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии” (Москва, ИСБ, ноябрь 1995 г.); “Славянские языки в зеркале неславянского окружения” (Москва, ИСБ, февраль 1996 г.); “Символизм вещей в древней культуре балтов” (Вильнюс, Институт культуры и искусства, октябрь 1996 г.); “Языковое сознание и образ мира” (Москва, ИЯ, июнь 1997 г.). Основные положения диссертации изложены в публикациях автора (см. список авторских публикаций).

Основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, приложения, списка сокращений и списка литературы.

Первая глава посвящена структурно-лингвистическому анализу текстов.

В первом разделе рассматриваются общие принципы, на которых основана структура заговоров вообще. Эти принципы имеют много общего с

особенностями первобытного мифологического мышления: требование конкретизации в обозначении предметов и четкой “инвентаризации”, упорядочения предметов. Поскольку цель заговора, как правило, – восстановить утраченное равновесие в системе – необходимым условием этого является приведение в порядок всех элементов мироздания. Вытекающий из этого положения принцип тождества и подобия является инструментом, с помощью которого достигается цель в заговоре – благодаря системе всеохватывающих связей все может быть связано со всем, предполагая динамическую систему преобразований и изменений состояния.

Вышеописанные принципы сходны с особенностями человеческого мышления вообще. Сравнения, то есть утверждения подобия или тождества элементов, в заговоре реализуются на основе выделения общего признака. Этот признак может быть минимально уловимым с первого взгляда, но достаточным для объединения элементов в один класс. Этим методом пользуется ребенок в процессе овладения речью, тот же принцип положен в основу при построении родовой системы в языках примитивных народов.

Также много общего в построении заговора с механизмами образования вербальных ассоциаций. Возможные типы ассоциаций: по сходству, различию, смежности, отношения часть-целое и род-вид, соответствуют способам создания связей между концептами в заговорах.

В следующем разделе представлено разделение литовских и белорусских заговоров на типы. При сравнении выделенных типов видно, что в литовских и белорусских заговорах они в основном схожи. И это сходство, вероятно, основано на универсальных принципах построения заговоров. Среди общих типов можно выделить сравнение; обращение к болезни, отсылки, угрозы, предложения; описание действий самого заговаривающего (заговариваю, отсылаю, убиваю); обращение за помощью к третьим лицам, будь то природные объекты или божественные персонажи. Общими являются и некоторые отдельные формулы, например “как А, так и В”, “отсылаю болезнь в место у, отличное от обычного пространства и наделенное признаками антимира: там люди не ходят, солнце не светит и т.п.”, “объект Х, я дам тебе у, дай мне z”, “если ты (болезнь) не выполнишь условие, то я расправлюсь с тобой (или это сделает могущественный персонаж N)” и прочие. Различие двух традиций заключается в предпочтении и наибольшем развитии той или иной сюжетной линии. В литовских заговорах, например, преобладают разного рода сравнения, явные и неявные, а также действия самого заговаривающего, эпические сюжеты с темой пути развиты мало, даже если упоминается движение персонажа, оно происходит с минимальным описанием фона, то есть пространства. В отличие от них, в белорусских заговорах описание пространства, на фоне которого разыгрываются события, максимально избыточно. Любой предмет занимает

определенное место в иерархии, к нему обращаются только предварительно описав место его пребывания. Надо отметить, что это сильно “утяжеляет” текст, делает его развернутым и многоступенчатым. На фоне кратких литовских заговоров белорусские выглядят длинными и многословными. Не встречается в литовских заговорах и пространных перечней частей тела, локусов или причин болезни. Вместо расплывчатой избыточности этих перечислений в литовских заговорах преобладает точность и четкость формулировок. Аналога литовским заклинательным типам (кратким заговорам, состоящим из нескольких слов, ставящим целью упорядочить предметы мира) в белорусской традиции нет. Литовские заговоры этого типа напоминают сжатую пружину с огромным энергетическим потенциалом, в то время как пространные белорусские заговоры – путешествие по спиральному лабиринту, уводящему в бесконечность. Эти две стратегии представляются в чем-то сходными и в то же время противоположными: стремясь конкретизировать описываемые объекты одна стратегия ограничивается жесткой констатацией, другая – пытается охватить весь мир перечислением возможностей. Белорусские заговоры как бы постепенно сужают круг вокруг желательного центра, то есть обладают центростремительной направленностью, в то время как литовские дают импульс из этого центра, то есть, можно сказать, обладают центробежной тенденцией.

Что касается развития отдельных сюжетов, в белорусской традиции они более разнообразны: более развита диалогическая форма повествования, эпический сюжет. В литовской традиции наиболее распространены “статичные” типы заговоров (то есть действие сконцентрировано в одной точке – здесь и сейчас), отсутствует в ней, например, описание болезни с благополучным исходом. Менее развита в литовской традиции и персонафикация болезни с наделением ее всеми признаками живого существа (именем, способностью говорить, ходить, пить, есть и пр.), вероятно из-за размытой грани между живым и неживым миром: в литовских заговорах любой объект может быть живым, поэтому нет надобности подчеркивать особые признаки болезни, которая тоже является, без сомнения, живой. Существование границы между живым и неживым миром в белорусских заговорах, по-видимому, сказывается в попытках найти персонаж, вызывающий болезнь (в литовских заговорах это явно не выражено), что служит причиной появления многочисленных побочных персонажей, находящихся в воображаемом центре мира и несущих ответственность за исход событий. В литовских заговорах подобных персонажей нет, как и нет надобности куда-то идти, чтобы войти с кем-то в контакт: желаемый объект всегда доступен из того места, где находится заговаривающий. Динамическая структура белорусского сюжета проявляется не только в описании пути действующих лиц, но и в разнообразных превращениях персонажей: болезнь превращается в маковое зернышко, неизвестный дед оказывается на

самом деле болезнью, а сам заговаривающий вообще “не я”, а Пресвятая Богородица. Метаморфозы, несомненно, присущи заговорному жанру вообще, однако в белорусских заговорах они более эксплицированы и развернуты.

При сравнении двух традиций складывается впечатление, что литовские заговоры отражают более ранний этап существования, что подтверждается и большей развитостью в белорусских заговорах христианских мотивов. Литовские заговоры с участием божественных персонажей довольно однообразны и могли появиться как заимствования или на основе подобных сюжетов с другими действующими лицами, в то время как в белорусских заговорах христианские святые и соответствующая символика представлены во всем своем многообразии. То есть обычное для фольклора замещение языческого христианским в белорусской традиции представлено более зримо.

В разделе *Семантико-синтаксическая структура литовских и белорусских заговоров* рассматриваются основные особенности семантико-синтаксического построения заговоров. При сравнении литовских и белорусских заговоров видно, что основные принципы их построения, то есть абсурдность, алогичность, ассоциативность, являются общими не только для литовской и белорусской традиций, но и для заговорного жанра вообще. Для той и другой традиции характерно особое синтаксическое построение фраз – наличие анафорических цепей, смены пресуппозиций, смены фокуса внимания, элементы стиля “плетения словес”, склонность к повторам, созвучиям, определенной ритмической структуре. Все эти особенности свойственны архаической мифопоэтической стилистике.

Однако некоторые тенденции свойственны той или иной группе текстов в разной степени. Например, анафорические цепи, распространенные в белорусских заговорах, в литовских почти не встречаются. Зато в литовских заговорах больше повторов одинаковых предикатов и созвучий. Действенность повторов может усиливаться также их количеством. В перечислениях преобладают четные числа, например: *Ak tu, gyvate, gyvate, nekąsk keltuvos nei žmogaus. Nepriūms tavęs dievas, nepriūms tavęs saulė, nepriūms tavęs mėnuo, nepriūms tavęs žvaigždės. Neprisiglausi tu nei ant samanų, nei po samanom, nei ant krūmo, nei po krūmu. Tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate* ‘Ах ты, змея, змея, не кусай ни животных, ни человека. Не примет тебя Бог, не примет тебя солнце, не примет тебя месяц, не примут тебя звезды. Не спрячешься ты ни на мху, ни под мхом, ни на кусте, ни под кустом. Ты змея... (9 раз).’ [LTR 3858 (442)]. Перед нами следующая схема повторов: 2 - 2 - 4 - 4 (2x2) – 9. По-видимому, это объясняется тем, что четное число осознается как законченная, замкнутая структура, оно эффективно, когда требуется описать статичную данность, защищенную от проникновения. Тогда как нечетное число (в данном случае – 9) всегда направленно, символизирует

динамику, удар, переход на следующий этап.

В белорусских заговорах используется “эффект обманутого ожидания”, в результате чего иногда образуются даже синтаксически неправильные конструкции: *Ішоу Ісус Хрыстос на чыстаму полі і нёс ішэць рож у падоле: адна з камянём, другая з памялом, а трэцяя вадзяная, чацвёртая ветраная, пятая агнявая, а шестая рожка — разайдзіся, боль, урозь* (721, ад рожы)

Некоторые тенденции в белорусских и литовских заговорах кажутся противоположными. Белорусская традиция отличается многословностью, избыточностью описаний, в то время как для литовских заговоров характерны краткость и отрывистость. В литовских заговорах часто отмечается эллиптическая синтаксическая структура (отсутствие предиката или имени), что роднит их с заклинаниями, например: *Džiovinto vėjo, pernykščio sniego, šių metų ledo, nupužės kraujo* ‘Сушеного ветра, прошлогоднего снега, льда этого года, крови жабы’ [LTR 4035 (15)]; *Dangus Jezau, saulė Jezau, žeme Jezau, rasa Jezau. Amen Jezau Kristau* ‘Небо Иисусе, солнце Иисусе, земля Иисусе, роса, Иисусе. Аминь Иисусе Христе’ (Mansikka, p. 82, N 82). Ряд существительных создает экспрессию и спрессованность, однако в подобных конструкциях могут быть использованы глаголы или прилагательные. Элиминация глагола создает эффект динамичности, произнесение скороговоркой (в комментариях отмечается – “произносить на одном дыхании, не переводить дыхание”) подчеркивает монолитность, цельность текста.

В белорусских заговорах, наоборот, преобладают распространенные предложения с отчетливым выделением фокуса и фона, темы и ремы. Абсурдность в описаниях пространства, свойств и атрибутов в литовских заговорах более выражена, чем в белорусских. То, что в белорусских заговорах передается в качестве желательных метаморфоз, в литовских заговорах присутствует как данность. Более распространены в литовских заговорах и различные конструкции с отрицаниями. Например, прием перестановки слогов (отрицание обычного порядка их следования в слове) в белорусских заговорах не отмечен.

Отличительной особенностью белорусских заговоров является наличие обязательного эпитета, обилие перечислений, детальных перечней признаков, предикатов и имен. Сложная структура белорусских заговоров вызвана развитием повествовательного жанра. Литовские заговоры, по-видимому, сохранили более архаичную заклинательную форму. При сравнении этих двух комплексов текстов можно предположить, что, образовавшись на одной основе, каждая традиция с некоторых пор развивалась в своем направлении, усиливая ту или иную тенденцию.

Следующий раздел рассматривает *особенности грамматической системы литовских и белорусских заговоров*. Некоторые грамматические

особенности являются общими для белорусских и литовских заговоров, например, использование перформативных глаголов при обращении заговаривающего к болезни; использование прошедшего времени в заговорах эпического характера; большая доля потенциальных действий (использование императивов, сослагательного и условного наклонений, будущего времени индикатива); участие причастий и деепричастий, отглагольных существительных. Все эти особенности отвечают направленности заговоров на реализацию поставленной задачи в будущем с опорой на настоящее по аналогии с прошлым. Однако временная композиция в белорусских заговорах выражена яснее. Для литовских заговоров характерна simultанность, ориентированность на результат, абсолютизация действия, независимость от времени.

Одним словом, используя однотипные приемы, белорусские заговоры концентрируют внимание на действии, а литовские – на имени, часто являющемся действием. Этой задаче служат причастия, полупричастия, отглагольные существительные, направленные на агенса и подчиняющиеся ему. Сложная комбинация действий создает впечатление simultанности, небольшой продолжительности действия по времени. В то время как последовательное повествование, состоящее из однотипных форм глаголов (как это часто бывает в подобном жанре), значительно растянуло бы действие. Кроме того, использование причастий, изменяющихся по родам и падежам, акцентирует внимание на соответствующих им персонажах, а не на действиях, которые эти персонажи выполняют, например: *Eidamas Jėzus per pievą rado raudoną žydinčią rožę. Panaikink man tą rožę, kaip tą rožę, kuri pievoj nuskinda*. ‘букв.: Идущий через луг Иисус нашел красную цветущую розу. Уничтожь мне ту розу, которая на лугу сорвана’ [LTR 4169 (143)]. При использовании страдательных причастий прошедшего времени нерелевантной оказывается информация, необходимая для соответствующего глагола, то есть агенса, способ действия, инструмент, время. (Ср. “лягушка не чищена” и “лягушку не чистили...”).

При использовании отглагольных существительных действие, выраженное ими, становится атрибутом персонажа, его инструментом, полностью ему подчинено как грамматически, так и семантически. Действие спрессовывается во времени, становится абсолютной данностью и собственностью лица, от которого исходит. Большую роль в литовских заговорах играют существительные, образованные от прилагательных, концентрирующие и абсолютизирующие соответствующий признак.

Раздел, посвященный *словообразовательным моделям в литовских и белорусских заговорах*, акцентирует внимание на способах построения текста с помощью словообразовательных приемов. Словообразовательные модели в литовских и белорусских заговорах обнаруживают весьма сходные тенденции: склонность к парным тавтологическим построениям, новообразования с

помощью различных суффиксов и приставок, использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, участие суффиксов и приставок в организации текста. Используются глагольные приставки с аналогичным значением: законченности, отдаления, отдаления.

Кроме своей прямой функции, суффиксы еще и образуют рифму, особым образом организуя и упорядочивая текст. Отмеченные одинаковыми суффиксами и приставками слова являются ключевыми, сюжетообразующими, привлекают к себе внимание. Именно на противопоставлении значений этих приставок строится смысл. Глагольные приставки могут повторяться с разными основами в одном заговоре, образуя линию дополнительного значения, которая играет объединяющую роль, например: *Saldzyja bitela, šviesyja žvaigždela, atprašau, atmeldžiu aš tavi, atmaldaui, juodo plauko, juodo plaukelio nekliudzyk* (Mansikka, p.76 №55) ‘Сладкая пчелка, светлая звездочка, упрашиваю, умаливаю я тебя, умоляю, черного волоса, черного волоска не трогай’. В белорусских заговорах: *Расходзься, удару, па белай касці, па бягучай крыві, па салодкаму мясу, па сініх жылах, па сарака сустаў. Госпаді, на первом здароўі пастау. Разыдзіся, раскаціся, рассватайся, разбратайся з чыстаплоннаю, ражджэннаю, ад (імя) адчакіся, адкасіся.* (581, *ад удару, звіху*).

Парные сочетания, отмечающиеся в литовских заговорах, более выражены в белорусских: поражает многообразие “двойных” слов в белорусских текстах. Это могут быть повторы во всем идентичных слов (их немного); и два разных слова, объединенные в одно: *скула-рожа, раба-баба, страдаў-скарбеў* и т.п. Последняя группа самая многочисленная. Семантические отношения между объединенными таким образом словами могут быть разных типов: синонимичные – *мед-віно, кубачкі-блюдачкі*, уточняющие – *ичука-рыба, кіт-дрэва, скула-вачауница*, указывающие на признак, свойство, качество: *сыр-бор, сабака-шаляка*, определяющие статус: *маць-зямля, вадзіца-царыца, залатнічок-панічок*, основанные на звуковом сходстве: *уроки-прароки, мост-пакост, крыксы-варыксы*. Объединение в одном слове нескольких значений, вероятно, служит усилению значения и одновременно его концентрации, самодостаточности. Белорусские тексты содержат и большее количество образований с разнообразными суффиксами и приставками, тогда как в литовских текстах они немногочисленны.

В разделе, посвященном *некоторым особенностям фонетики в литовских и белорусских заговорах*, рассматриваются фонетические приемы, используемые в основном в литовских заговорах. Это, по-видимому, объясняется их схожестью с заклинательными текстами. Помимо традиционных заклинаний, в литовских заговорах присутствуют отдельные заклинательные формулы. Для достижения результата часто применяется игра слов, использование анаграмм. Во всех заговорах заклинательного типа используется один принцип – повторение

определенных звуков или сочетаний звуков в разной последовательности – чаще прямом и обратном порядке. Например: *Nugaruoī' tu, negare, akivaron* 'Испарись ты, не пар, в топь' (от лишая) (Cicėnas, p. 23, N 298) - повторяются звуки *n - g - r, n - g - r, k - r - n*, то есть два раза в одном порядке, потом - в обратном; *Grauž gryžiu, da grauž geriau* 'Грызи грызь, да грызи лучше' (от боли в суставах – грызи) (Mansikka, p. 96, N 148) – последовательность звуков: *g - r - ž, g - r - ž, g - r - ž, g - r*.

На сходстве звучания построены способы борьбы с болезнью – от грыжи избегаются, загрызая ее, завязывая (лит. *rišti* 'завязывать' содержит те же фонемы, что и *gryžius* 'грыжа'). Такие звуковые приемы служат еще и созданию рифмы, что усиливает эффект заговора, так как рифмованная структура обладает законченностью и монолитностью, стихотворная форма защищает текст от преобразований, способствует его сохранению как можно дольше в неизменном виде. Вероятно, с целью усилить действие, в обычный заговорный текст иногда вставляются рифмованные пары - заклинательные формулы, на первый взгляд, бессмысленные, например: *Šurum-burum-bum, Pradink viena [paskui kitą ir t. t.]* 'Шурум-бурум-бум, сгинь одна [потом другая и т.д.]' (от бородавок) [LTR 4239 (244)]; *Sakal makal, deg deg!* 'Сакал макал, гори гори!' (от бородавок) (Balys, p. 66, N 435).

Отмеченные в белорусских заговорах фонетические приемы сходны с приемами в литовских заговорах, например, использование рифмованных сочетаний для борьбы с болезнью или характерный набор звуков в именах змеи. В основном, эпическая направленность белорусских текстов не подразумевает большое разнообразие фонетических приемов.

Особой проблеме возможных взаимовлияний литовских и белорусских заговоров посвящен отдельный раздел. При тесном контакте двух народов возникает проблема не только лексических заимствований, но и взаимопроницаемости текстов. Несмотря на замкнутость и эзотеричность, свойственные заговорному жанру и обусловленные его направленностью, эти тексты были вполне доступны разным национальным группам и не знали языковых границ. Об этом свидетельствует существование на территории Литвы идентичных заговорных текстов в двух или трех языковых вариантах. Установить, какая традиция являлась первоисточником, можно по распространенности того или иного мотива в разных корпусах текстов. Например, заговоры от змеи являются одним из самых распространенных заговорных жанров в Литве, поэтому соседние традиции могли перенять многие способы борьбы со змеей у литовцев. Наоборот, мотив диалога с месяцем в заговорах от зубной боли более популярен в белорусской традиции, в Литве подобный сюжет представлен единичными текстами.

Существуют в заговорах и некоторые универсальные методы лечения

болезней или идущие от одного древнего источника. Это, в частности, мотив розы в заговорах от рожи, сравнение крови с рекой Иордан и упоминание крещения Иисуса Христа. Мотив происшествия с божественным персонажем в процессе пути и его быстрого исцеления или неподатливости болезни также весьма распространен. Наиболее популярен он в Белоруссии и Польше, есть отголоски его и в Литве.

Интересны случаи заимствования отдельных формул, оборотов в заговорах. Во многих белорусских и польских текстах встречаются однотипные сюжетные построения: выяснения причин возникновения болезни и отсылка ее туда, где “люди не ходят, звери не бродят, птицы не летают”. Какая из этих двух традиций позаимствована, наверное, ответить трудно. Однако в литовских заговорах этот мотив встречается редко, поэтому можно предположить, что единичные случаи употребления этой формулы являются заимствованием у славян. Можно составить представление о пути заимствования и по отдельным словам, проскальзывающим в литовских заговорах (и в славянских на территории Литвы). Например: *Svintas Jonas mnie trudna žyć, ratawaj z tego swiatu na ten świat. Amen. Amen. Amen.* [LMD I 940 (19)]; *Švintas Jonas man trudna gyvinč; pašauk iš to pasaulio į šį pasaulį. Amen. Amen. Amen* (Stukenaitė-Decikienė, p. 129, N 50); *Szedł Pan Jezus przez wieś, chcieli Jego psy zjeść, rzucił kamień, powiedział Amen* [LMD I 943 (7)]; *Ėjo Ponas Jėzus keliu, norėjo jį šunes suėšč. Jis griebė akmenį, ant amžių amžinųjų. Amen* (Stukenaitė-Decikienė, p. 128, N 31); *Ognie/vystas/krow swietok paporotnika Reka Apragima /voc/ pušč eta krow pierestaniet ciecz* [LMD I 946 (9)]; *Ugnia/vystas kraujas, paparčio žiedas. Aprimo upė. Tegul šitas kraujas nustos tekėt* (Balys, p.78, N 503).

Существуют и “гибридные” заговоры, в которых соседствуют литовские и славянские фразы, например: *Ažužadu Jonui nuo akių. Atkatites atvalites' roki-prysroki, radost' i zavist', mužeskije i ženskije atkrytes', berites' od jarkoj krowi od zbornych kostiej, od bielych grudiej. Veda vodica u wostočnica, kudy biežysz, kudy padzierżysz Od wschodu k zapadu obmywajesz, oczyszczajesz krutyje bierega, żoltyja piaska, ożšbmoj mojevo syna Janka* “Заговариваю от глаз...” [LMD I 941(9)]. Как бы ни были близки заговаривающему все употребляемые языки, язык, представляющийся наиболее чужим, считается в заговорах более сильным орудием. Этим объясняется появление совсем непонятных текстов, содержащих набор звуков, отдаленно напоминающих тот или иной язык – главное произнести текст, а не понять его. Некоторые тексты для усиления воздействия произносятся сразу на двух языках.

Помимо заимствований сюжетов, мотивов и отдельных текстов, основное влияния славянского окружения на литовские заговоры проявляется, конечно, в лексике. Интересно проследить, какой именно пласт лексики был замещен или создан влияниями извне. Одну группу лексики можно назвать религиозной

– это слова и выражения, связанные с христианством и пришедшие, вероятно, вместе с ним. Некоторые подобные слова обозначали и новые реалии, которые еще не успели получить языковое выражение в литовском, например, ‘троица’, ‘кадило’, ‘дух’ и т. п. Слова, заменяющие уже существующие, вероятно, обладают несколько другими коннотациями, например, литовское *teismas* ‘суд’ и *sūdas, ofiara* и *auka* ‘жертва’ явно вызывают разные ассоциации, все эти славянские аналоги в литовском контексте имеют ярко выраженный христианский подтекст. Некоторые слова заняли и семантические лакуны. Имеющие практически идентичные литовские аналоги славянские заимствования типа *ščestis, nadzieja, čystas, večna, ratavoti*, возможно, обладают большей экспрессивностью, усиливают соответствующее значение.

Вторую группу заимствований составляют названия болезней и связанных с ними явлений, например: *zrokai, lišaj, kaltun, zmieja, zjadai, rona, kvaraba, liekarsta, škada*. Все эти лексемы существуют наряду с соответствующими литовскими и, возможно, используются с целью табуирования, кодирования настоящего названия болезни. Подобно двойным текстам, полным переводным аналогам друг друга, существуют и тавтологические повторы одинаковых лексем, образованных от разноязычных основ, например: *sgynik, prapulk* (‘пропади’ – от ‘сгинуть’ и ‘prapulti’); *tikiu ir vėriju* (‘верю’ от ‘верить’ и ‘tikėti’); *pagalbes tegul pamačija* (‘пусть поможет’ – от ‘pagelbėti’ и ‘помочь’). Такая неявная тавтология, употребление мнимых синонимов позволяет обращаться сразу к нескольким коннотациям, поскольку каждое слово вызывает свои ассоциации, что, несомненно, усиливает воздействие заговора.

Помимо создания дополнительных значений, славянские заимствования играют, по-видимому, в некоторых заговорах более важную роль – часто именно они являются ключевыми словами, а литовские слова – только связками. Однако, глаголы говорения и вообще перформативные глаголы, выражающие действия заговаривающего, как правило, только литовские. Вероятно, внутренняя сила говорящего все же связана с родным языком, а общаться с посредниками можно и на чужих языках.

По всей видимости, литовская языковая система обладает большой восприимчивостью, поскольку славянское влияние оказалось устойчивым как на уровне текста, так и на уровне лексики. Проникновение славянской системы ощущается даже на уровне грамматики, причем заимствуются наиболее сильные формы языкового воздействия – императив и наиболее экспрессивные глагольные префиксы.

Вторая глава посвящена описанию картины мира по данным тезаурусного словаря, составленного на основе литовских и белорусских заговорных текстов (см. Приложение). Словари включают в себя все значимые имена существительные, встречающиеся в текстах, и описание их, построенное на основе

контекстов, их окружающих. Гнезда словаря заполняются частями контекста по следующим основным параметрам: эпитеты, атрибуты, локус, действия, синонимы, антонимы, метафоры, изофункциональные слова, части, количество, свойства, сравнения, параллелизм и т.д. В данной схеме каждый концепт занимает определенное место, обусловленное встречаемостью в тексте. Словарь построен по локальному принципу, а также по принципу принадлежности (кто чем владеет).

Чтобы выделить важные концепты и подчеркнуть их неоднозначность, словарь делится на четыре части, соответствующие четырем основным мирам, выделяющимся в заговорах. Конечно, четкого деления на миры в заговорах не происходит, все связано со всем и непрерывно “перетекает” из одного в другое, однако по функциональной направленности можно условно распределить объекты на относящиеся к миру болезни (сами болезни, их причины, метаморфозы и т.п.), относящиеся к миру жертвы (прежде всего больной – человек или животное – и все, что с ним связано), относящиеся к миру борьбы с болезнью (персонажи и инструменты, с помощью которых происходит лечение) и внешний мир, нейтральный или амбивалентный, то есть арена, на которой разыгрываются основные события в заговорах.

В разделе *Описание структуры внешнего мира* рассматриваются принципы построения локуса и антилокуса, основных точек пространства, в которых происходит действие в заговорах. В основном все объекты пространства и в литовской, и в белорусской картине мира, отличаются амбивалентностью, то есть могут выступать как место пребывания божественных персонажей, ведущих борьбу с болезнями, так и прибежище нечистой силы. В белорусской картине мира просматривается четкая иерархически устроенная структура. Все объекты мироздания можно разделить на ряды или парадигмы, построенные в соответствии с удаленностью от главной точки – центра мира (упрощенная схема пространства: море – дуб – камень). В первый круг мироздания входят элементы космоса, упорядоченные по мере удаления от своего центра (Господа Бога); во второй – стихии; далее идут элементы ландшафта, объединяемые по признаку широты и величины (море, поле, гора, иногда лес); следующий круг образуют объекты, символизирующие мировое древо (дуб, другие деревья, мост, река, столб); и непосредственно центр мира, представленный объектами, выражающими идею замкнутого, скрытого пространства, сакрального жертвенника (камень, стол, престол, сундук и т.д.). Основная точка пространства – центр мира – и является целью многих белорусских заговоров; устранить болезнь, расправиться с ней можно только там, в скрытых глубинах непознаваемого. Возможно, этот путь является проекцией поиска внутреннего ядра (человеческой “самости”). В отличие от белорусского, литовский пространственный мир отличается не структуриро-

ванностью и некоторой самодостаточностью объектов. В белорусской картине мира присутствует подчиненность центру, тогда как предметы литовского мира являются самостоятельными центрами: каждый в отдельности – и земля, и вода, и камень имеют характер и совершают поступки наравне с антропоморфными персонажами. Элементы циклического построения в литовских заговорах настолько единичны и не последовательны, что представляются заимствованными у славянских соседей.

В разделе *Описание мира болезни* рассматриваются основные принципы классификации болезней в двух традициях, взгляд на причины их возникновения и основные методы лечения. Из обзора составляющих мира болезни можно сделать вывод, что болезнь представлялась самостоятельным персонажем, способным передвигаться, совершать человеческие действия (есть, пить, спать, говорить), она наделялась зооморфными и антропоморфными чертами, могла как человек рождаться, иметь родственников (крестных, мать, отца), одежду, собственное место. Болезнь может отождествляться и с определенным органом, который тоже имеет возможность вести себя самостоятельно. Болезнь может возникнуть под воздействием другого человека (особенно опасны его речь и взгляд), животного, а также из-за любых повседневных действий человека при их чрезмерном проявлении. Болезнь осознается всегда как что-то лишнее, чужое, постороннее, которое нужно убрать, отбросить подальше, раздробить, восстановив таким образом целостность организма. Болезни бывают разных родов, часть болезней оценивается по внешнему проявлению или по вызываемым ею ощущениям, часть – по причине, вызвавшей ее.

Вероятно, мотивированность названий болезней отражается и на методе их лечения. Например, грызь – боль в суставах, артрит, возникающий при чрезмерной нагрузке на суставы (чаще всего рук), в результате чего они лишаются смазки и начинают скрипеть, лечили загрызанием. Тексты, направленные на излечение от этой болезни, изобилуют звукоподражаниями. Аналогичным образом сравнение болезни рожи с розой спровоцировало появление мотивов исчезновения цветка, вследствие чего должна исчезнуть болезнь. Лишай в литовских заговорах сравнивается с деревянным суком, что соответствует этимологии его названия *dedervinė* (<**der-derv-inē* от *derva* ‘сосна’ (Fraenkel, 85)). Табуированность названия лихорадки в белорусских заговорах отражается в текстах табуированностью ее проявления вообще: вместо болезни сразу выступают дочери царя Ирода, жены, девки, идущие мучить людей. После угроз и предупреждений встреченного по пути божественного персонажа они пугаются и обещают оставить в покое жертву. Особенности внешнего вида болезни органов брюшной полости (белорус. *залатнік*, *доннік*; лит. *gumbas*, *klynas*, *macica*, *parūšenja*), проявляющейся во вздутии живота, любом местном затвердении, которое сопровождается

сильнейшими болями, побуждает соотносить ее с поведением органов внутри организма. Считалось, что это состояние вызвано смещением матки со своего места, матка “гуляет” по организму (чаще поднимается вверх) и причиняет боль. В связи с этим заговоры от этого заболевания стремятся поставить ее на место.

В любом случае, вылечить болезнь может она же сама или имеющие к ней отношение персонажи, надо только хорошо попросить или договориться. В случае ее упорства, находится могущественный персонаж (которому она подчиняется), который насильно отправляет ее в тот мир, откуда она пришла (возвращает на место), обеспечивая таким образом мировой порядок.

Можно сказать, что представление о природе болезней, их классификация и методы лечения в литовской и белорусской картине мира в основном схожи. Однако в белорусской картине мира более выражена персонификация болезни и выделение основного “старшего” представителя болезни (“царя”), вероятно, в силу общей тенденции белорусских заговоров к централизации.

Раздел *Описание мира жертвы болезни* рассматривает прежде всего образ человека – жертвы болезни – и мир объектов, непосредственно связанных с ним. Мир жертвы болезни в основном идентичен в литовской и белорусской картинах мира. Человек (раб божий) – главная жертва болезни – в литовских заговорах представлен более схематично, чем в белорусских: набор частей тела более фрагментарен: человек здесь стоит практически в одном ряду с животным – жертвой болезни. Белорусские заговоры отличаются избыточным описанием частей тела жертвы, по сути дела, человек как личность перестает существовать, и заговаривающий ставит целью освободить от болезни отдельные органы. При этом любая болезнь изгоняется из всех органов последовательно (порядок может быть разный, но как правило начинается изгнание болезни с костей, жил, головы). В то же время и в той и другой картине мира выделяются органы главные и второстепенные. Главными являются непосредственно связанные с проявлением болезни (как в литовских, так и в белорусских это кости, кровь, зубы). Часть тела может восприниматься отдельно от человека, обладать собственным поведением и свойствами, а также вызывать болезнь. Для белорусских заговоров в большей степени, чем для литовских, характерна проекция частей тела человека на окружающий мир и приведение их в соответствие с разными объектами мироздания. Части тела человека входят в контекст мирового пространства сразу в нескольких измерениях: кости соответствуют горам, городам, мостам, кровь – рекам, водам. При другом масштабе рассмотрения тело может сравниваться с церковью, кости и жилы – с воротами, суставы – с замочками (при родах). В то же время при восприятии тела как локуса руки и ноги соответствуют дверям, матка (*залатнік*) – столу. Возможно соотнесение человеческого тела с деревом (см. кости – корни, листья). При смещении фокуса внимания к более приближенному рассмотрению рот

соотносится с морем, полем, небом, а зуб – с дубом, камнем, месяцем. Возможно и сопоставление живота с небом, в таком случае центр – матка (*залатнік*) сопоставляется с месяцем, облаками.

В разделе *Описание мира борьбы с болезнями* рассматриваются персонажи, так или иначе выступающие против болезни. Главным персонажем, противопоставленным миру болезней, и в той, и в другой картине мира является сам заговаривающий (“я”), выполняющий основные действия, направленные на избавление от болезни (заговаривает и прогоняет ее). Однако в литовских заговорах заговаривающий более самостоятелен, опирается главным образом на свои силы и действенность совершаемого ритуала (отражающегося в действиях, упомянутых в заговорах), в то время как в белорусских заговорах заговаривающий сознает свое подчиненное положение и чаще обращается за помощью к божественным персонажам. В литовских заговорах человек, произносящий заговор, мнит себя центром мира, и поэтому мотив пути (к этому центру) отсутствует, в белорусских заговорах он (мотив пути) занимает центральное место.

Тема пути актуальна для всех остальных персонажей мира борьбы с болезнью (как в литовских, так и в белорусских заговорах). Это прежде всего христианские Бог и святые, заменившие, по всей видимости, ранее существовавших языческих божеств. Однозначно определить их соответствие каким-то другим довольно сложно, тем более, что почти каждый из них изофункционально соотносится сразу с несколькими действующими лицами в заговорах. Скорее можно говорить о функциональной взаимозаменяемости следующих персонажей:

Господь Бог – заговаривающий – Иисус Христос – Михаил Архангел

Иисус Христос – больной (*раб божий*) – болезнь – больной орган

Богородица – заговаривающая – больная (*раба божая*) – персонифицированная болезнь (*девка, змея*) – больной орган

(Об изофункциональности Богородицы и Иисуса Христа больному (по крайней мере о возможности провести такую параллель) говорят не только многочисленные тексты, повествующие об аналогичных происшествиях с этими персонажами (ср. отсутствие таких сопоставлений в отношении других святых), но и комментарии к некоторым литовским текстам такого рода: “Если больной-мужчина, говорить Иисус Христос (шел, розу нашел, например), если женщина-Богородица”).

Возможны и соответствия упомянутых персонажей (особенно Господа Бога и “основных” святых – Михаила, Георгия, Николая) языческим божествам, но точные параллели по рассматриваемым текстам провести трудно. Исключение составляет святой Георгий в литовских заговорах, четко соотносимый с языческим богом света и плодородия Швайстикасом.

При сравнении полной картины мира в литовских и белорусских лечебных заговорах можно отметить их принципиальное сходство: примерно одинаковым образом происходит членение мира и выделение основных концептов. В некотором смысле можно говорить об общей балто-славянской модели мира. Общей и универсальной чертой, по всей видимости, является принципиальное единство мира, тесная взаимосвязанность всех объектов мироздания. Человек представляет себя частью космоса и связывает частные проявления с общими процессами мирового масштаба. В связи с этим деление на миры, предпринятое в данном исследовании, является условным и применяется для облегчения восприятия многоступенчатой функциональной зависимости объектов. В фокусе описанной модели мира в силу функциональной направленности текстов находится концепт болезни. Взгляд на природу болезни, ее проявления и способы лечения является универсальным. И в литовской, и в белорусской картинах мира болезнь отражается как нечто чуждое, лишнее, пришедшее из иного мира. Она представляется довольно могущественным персонажем, занимающим важное место в структуре мироздания, отличается двойственным характером: может уйти или сама себя вылечить (направить свои проявления в другое русло или нейтрализовать), если с ней правильно обращаться (или правильно обратиться к ней). Болезнь, как и отдельные органы человеческого тела, может выступать в виде антропоморфных и зооморфных персонажей. В белорусской картине мира явно выражено представление, что болезнь – это такой же человек, имеющий имя, дом, родственников, как и жертва болезни. Особым приемом лечения болезни (помимо задабривания ее, уговора, угроз – то есть непосредственного обращения к ней) является табуированное описание пути больного (где образ больного заменяется другими персонажами), происшествия с ним и выздоровления, – то есть моделирование желаемой ситуации на примере кого-то другого. Мотив пути является, по-видимому, имитацией процесса лечения, подчеркивает его динамику, прогресс. Воспроизведение “истории болезни” является аналогичным приемом имитации грозящих человеку неприятных событий в уменьшенном виде, что характерно для поведения первобытных народов: проигрывая аналогичную ситуацию, создавая обстоятельства ее возникновения, можно избежать ее в реальности.

Отличительной чертой белорусских заговоров является четкое противопоставление мира человека (заговаривающего) остальному миру, являющемуся антиподом своего, его зеркальным отражением. Именно в этом мире (мире скрытых психических процессов, подсознания), разворачивается основное действие заговора, там живут болезни, там происходит борьба двух начал или мирный договор. Подавляющее большинство белорусских заговоров начинается с пути в этот мир с постепенным сужением фокуса, приближением к центру, к сути, естеству. В литовских заговорах этот мотив выражен менее

четко, видимо, процесс входа в “тот” мир остается не эксплицированным, за рамками заговорного текста (возможно, осуществляется при помощи ритуала). Во всяком случае, заговаривающий ощущает себя центральной фигурой, способной повелевать теми объектами, к которым приходит аналогичный персонаж в белорусских заговорах и у которых он просит помощи. Помощь могущественных сил является одной из основных принципиальных особенностей белорусских заговоров, в то время как в литовских заговорах прослеживаются следы позднейших наслоений соответствующего содержания. Апелляция к кому-то другому обуславливает появление в белорусских заговорах многочисленных действующих лиц, как относящихся к высшему рангу (святым), так и второстепенных, принимающих активное участие в избавлении человека от болезни. В литовских заговорах количество таких “посредников” сведено к минимуму – заговаривающий устанавливает непосредственный контакт с нужными ему стихиями. Четкая иерархия объектов, подчиненность всего мира определенному центру является, по-видимому, главной отличительной чертой белорусских заговоров. Литовская картина мира показывает самостоятельность всех важнейших стихий и объектов мироздания, что соответствует древним языческим представлениям об отдельных божествах леса, озера, земли, огня и т.д. и популярным в Литве культам дуба, камня, змеи.

В *Заключении* описываются общие особенности структуры заговоров, отражающиеся на всех уровнях анализа текста. Это прежде всего стремление к воссозданию единства мира, к целостной и замкнутой структуре. Оно проявляется как на уровне синтаксиса (использование повторов, элементы стиля “плетение словес”, повторение однотипных синтаксических конструкций, всевозможные перечни и перечисления, анафорические цепи, образующие как бы непрерывную цепь повествования), морфологии (повторы одинаковых форм слова), словообразования (использование одинаковых аффиксов для оформления текста), фонетики (создание рифмованных структур, игра слов), так и на уровне языковой картины мира (стремление “расставить все по местам”, привести к соответствию разные элементы пространства, создать законченное описание объектов). Стремление к законченности, являясь главной целью заговора, придает заговорному тексту часто экспрессивную спрессованность, что особенно характерно для литовских заговоров. Это прослеживается в создании отрывочных синтаксических конструкций, на уровне морфологии – в использовании отглагольных существительных, абсолютизирующих и спрессовывающих действие, на уровне словообразования – в создании гибридных слов, заключающих в себе одновременно различные признаки. Спрессованность мира, “вложенность” объектов друг в друга видна и в упорядоченности элементов в картине мира.

Истинной, глубинной целью заговора является не только привести и

порядок объекты мироздания, создав законченную структуру, но и произвести некоторое воздействие – направленный удар. Этой цели служат и лингвистические приемы (использование глаголов-перформативов, императивов, аффиксов с соответствующим значением законченного действия), и сюжетные. Вся структура заговора представляется пружиной, раскручивающейся, однако, в разных направлениях (в белорусских заговорах преобладает центростремительная направленность, в литовских – центробежная). И структура текста, и картина мира представляют цикличность устройства, возвращение по спирали в ту же точку, но в другом качестве.

Всеобщая связанность объектов, ассоциативность, как один из основных принципов построения заговорного текста, проявляется во всякого рода уподоблениях, как на уровне синтаксиса, морфологии, фонетики (повторы и созвучия), так и на уровне сюжета (метаморфозы, сравнения и превращения). Ассоциативность проявляется также и в сопоставлении противоположных объектов, приводящем к абсурдности, алогичности (как на уровне синтаксиса – смена пресуппозиций, фокуса внимания; морфологии – непоследовательность в использовании временных форм; словообразования – парные конструкции с противоположным значением, так и на уровне построения картины мира – взаимосвязь противоположных объектов, абсурдное расположение в пространстве, совмещение в одном лице противоположных начал). Создание модели мира “наоборот”, зеркального отражения обычного, проявляется и в частом использовании всевозможных отрицательных конструкций (как на уровне синтаксиса, на уровне сверхфразового единства – переставление местами слогов в литовских заговорах, так и в описаниях образов персонажей заговорного мира, лишенных обычных атрибутов и не умеющих выполнять обычные действия). Ассоциативность, отражающая принципиальную особенность человеческого мышления (в том числе и вербального), проявляется в установлении порой неожиданных для обычной логики связей, что ярко отражается на всех уровнях построения заговорного текста.

Выявленные общие закономерности, по всей видимости, являются универсальными, позволяющими судить об особенностях заговорного текста вообще. Построенные на основе белорусских и литовских заговоров модели мира показывают принципиальное сходство структур и позволяют говорить о балто-славянской модели мира, в то же время некоторые различия указывают на специфику народного мировосприятия в каждой традиции. Различия связаны, вероятно, еще и с тем, что литовские заговорные тексты отражают более ранний этап развития заговорной традиции, более архаичное мировоззрение, в то время как белорусская модель подверглась в большей мере позднейшим трансформациям под влиянием христианства. О большей архаичности литовских заговоров свидетельствует и преобладание имен в морфологической структуре

(в то время как белорусские заговоры построены главным образом на основе глаголов, их временная структура является значимой и сюжетобразующей). Фиксация литовских заговоров на именной структуре при относительной смазанности глагольной соответствует противопоставленности двух областей коры головного мозга человека: отвечающей за наименования (задние отделы коры) и за предикаты (передние отделы коры). Известно, что “задний мозг” в филогенезе древнее переднего.

Особой проблемой являются возможные взаимовлияния двух традиций, происходившие на более поздних этапах, выражающиеся в заимствовании текстов и различных сюжетов, что представляется темой для отдельного исследования, немаловажной для изучения обеих культур.

Список опубликованных работ по теме диссертации:

- 1) “Влияние славянских языков на литовскую разговорную речь” // “Славянские языки в зеркале неславянского окружения”. Тезисы конференции (Москва, ИСБ, февраль 1996 г.). М., 1996, стр.20–21.
- 2) “Мир вещей в литовских заговорах” (“Daiktų pasaulis lietuvių užkalbėjimuose”) // газета “Šiaurės Atėnai” (Вильнюс). № 36 (380) от 20.09.1997 и № 37 (381) от 27.09.1997.
- 3) “Образ огня в литовских и русских заговорах” (“Ugnies įvaizdis lietuvių ir rusų užkalbėjimuose”) // журнал “Liaudies kultūra” (Вильнюс). № 1, 1998, стр. 6–12).

Список сданных в печать работ по теме диссертации:

- 4) “Мир вещей в литовских заговорах” (“Daiktų pasaulis lietuvių užkalbėjimuose”) // “Tautosakos darbai” (Вильнюс) (*в печати*).
- 5) “Семантическое поле ‘огонь’ в русских и литовских заговорах” // “Балто-славянские исследования . Вып. X” (*в печати*).
- 6) “Модель мира в литовских заговорах от змеи в сопоставлении с аналогичной русской” // “Балто-славянские исследования . Вып. XI” (*в печати*).
- 7) “Модель мира в литовских заговорах от змеи в сопоставлении с аналогичной русской” (“Lietuvių ir rusų užkalbėjimų “nuo gyvatės” pasaulio modelių palyginimas”) // “Tautosakos darbai” (Вильнюс) (*в печати*).

Список сокращений:

Balys – *Balys J.* Liaudies magija ir medicina. Bloomington, Indiana, 1951

Cicėnas – *Cicėnas J.* Vilniaus tautosaka. Daugėliškiniai burtai, Vilnius, 1934

Fraenkel – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg - Göttingen, 1955

LMD – Lietuvos Mokslo Draugija (Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto archyvas)

LTR – Lietuvių tautosakos rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas)

Mansikka – *Mansikka V.* Litauische Zaubersprüche. Helsinki, 1929

Stukenaitė-Decikienė – *Stukenaitė-Decikienė Pr.* Užkalbėjimai Švenčionių apskrity // Gimtasai kraštas, 1941 –VIII m. 1–2 (28–29nr.)

Подписано в печать 02.02.1999 г. Тираж 100 экз.

